

Глава первая

Не секрет, что па владел лучшим участком на всем Гранитном ручье, — бьюсь об заклад, потому его и убили.

Я стояла в воде, пытаюсь заставить работать забитый грязью насос, когда увидела дым. Он клубами вздымался над чахлыми деревьями, будто сигнал самому Богу. Затем я услышала резкие мужские выкрики: точно несколько ястребов скопом нападали на добычу. В небе метались испуганные вороны.

Я свистом подозвала Сильви, свою лошадь, и она прискакала ко мне от водопоя. Мы помчались к дому, как адские летучие мыши, но все равно прибыли слишком поздно. Потому и поднялся шум: дело уже было сделано. Пламя пожирало бревенчатый остов дома, а па с выпученными глазами болтался в петле на мескитовом дереве. К югу оседало облако пыли, поднятой копытами лошадей.

Я спрыгнула с Сильви, выхватила ружье из седельного чехла и упала на одно колено. Нашла глазами цель, взяла ее на мушку, глубоко вдохнула и на выдохе нажала на спусковой крючок. В точности как учил меня па. Как мы тренировались с ним год за годом. Одна темная тень свалилась с лошади. Остальные умчались без оглядки...

— Так кого ты, говорил, ищешь?

Я смотрю на пузатого бармена:

— Никого. Еще виски.

Подталкиваю к нему пустую стопку, и он недовольно морщится. Однако у меня есть монеты, я горю жаждой

мести и могу сейчас перерезать глотку любому, кто вздумает мне перечить.

Бармен плещет виски на донышко, я делаю глоток. На вкус — жидкий огонь.

— Не рановато ли напиваться в воскресное утро, парень?

Хоть я и не парень, но одета совсем как мальчишка. Брюки, ботинки. Любимая фланелевая рубашка. На голове стетсон. Длинные волосы я забрала под шляпу, чтобы не выдать себя. Когда я вбежала в дом, пытаюсь спасти хоть что-нибудь, волосы загорелись. Теперь, когда подпаленные концы спрятаны под стетсоном, я ничем не отличаюсь от любого из грязных усталых мужчин, стекшихся сюда, на Виски-роу, в поисках выпивки. Разве что выгляжу молокососом, поскольку растительности на лице у меня нет. Впрочем, я давно усвоила: джентльмены в подпитии не отличаются особой наблюдательностью. Жаль, бармен трезв.

— Сколько тебе лет? — не отстает он.

— Сколько надо.

И это правда. Восемнадцать мне стукнуло два дня назад, еще до смерти отца. Одного я никак не возьму в толк: почему они убили па и сбежали, ничего не взяв.

Я чешу ребра через фланелевую рубашку и поглядываю в мутное зеркало позади барной стойки, где отражается этот сукин сын. Он сидит в углу, крепко обхватив стопку грязной ладонью, а другую руку прижимает к животу. Время за полдень, жара как в аду, а он в шерстяной рубаше и длинном сюртуке. Глаз не видно из-под шляпы, низко надвинутой на лоб, но дышит поганец с трудом. Его бьет крупная дрожь. Даю ему час или два. От силы три. Когда я его подстрелила, он сильно

грохнулся с лошади. Так не падают, если пуля просто задела плечо или оцарапала шею.

Я-то думала, что убила его, но, похоронив па и проехав верхом на Сильви по дороге на юг, не обнаружила ничего, кроме пыли, сорной травы и следов крови, ведущих в сторону Прескотта. Ублюдок был так тяжело ранен, что мне не составило труда проскакать все пять миль по его следам. В городе он сразу свернул на Вискитроу. Я нашла его лошадь на привязи у салуна «Кварц-Рок»: седло измазано кровью, дорожка капель на земле ведет внутрь.

В одном бармен прав: народу в салуне многовато для Господнего дня. Вот только толстяк, похоже, не понимает, что крепкий алкоголь отупляет душу не хуже молитвы. Дьявол, да я раз десять пролепетала «О боже!», когда нашла па в петле на дереве, но почему-то Бог не вернул его к жизни.

Когда я обрезала веревку, па свалился к ногам, как куль с зерном. Мне пришлось закрыть ему глаза и перекатить тело на живот — невыносимо было видеть лицо отца, синее от побоев и с разбитым в кровь носом. На лбу ему вырезали ножом какую-то завитушку, когда пытались неизвестно ради чего, а еще обчистили карманы и сняли кольт с пояса. Не револьвер — красавчик: гладкая белая рукоять, отполированное до блеска дуло с узорчатой гравировкой. У меня в кобуре второй такой же. Кольты были парные, и один па подарил мне, а теперь я даже не могу их воссоединить.

Нелегкая была работа — копать могилу. Ма лежит под тем же мескитовым деревом, на котором нашел свою смерть отец. Па объяснил мне, почему похоронил ее здесь: душа должна покоиться в таком месте, где сможет укрыться зимой от стужи, а летом от зноя.

Он называл этот уголок мирным, и я знаю, что он и сам хотел бы лежать здесь. Роя могилу, я взмокла как свинья, и меня не отпускала мысль, что мерзавцы гуляют на свободе, пока я тут кидаю лопатой землю. Но па заслужил настоящие похороны. Больше всех на свете заслужил, чтобы его память почтили как положено.

Когда я перекатила тело в яму, оно приземлилось на бок, а руки-ноги развернуло под неестественным углом, как у сломанной куклы, — но, по крайней мере, па лежал лицом к маме. Так он и будет спать целую вечность, не сводя с нее глаз. Я забросала его землей, потом соорудила деревянный крест. Перочинным ножом вырезала: «Генри Росс Томпсон, умер 6 июня 1877 года», потом лопатой вбила крест в землю и, ни разу не оглянувшись, поскакала в Прескотт.

— Еще? — спрашивает бармен, глядя на мою пустую стопку.

— Еще, — киваю я, но на этот раз не пью. Две первые порции притупили боль, но мозги мне еще понадобятся. У меня за спиной старатели жалуются друг другу на неуловимое золото и сетуют, как сложно нынче заполучить участок с богатой жилой. Справа пара вояк из форта Уиппл храбро костит апачей. И еще девицы — эти, вихляя бедрами, снуют между мужчинами, подбирают повыше юбки и вываливают грудь напоказ, наклоняясь над столами.

Я им почти завидую. Под тугой повязкой, которой я замотала себе грудь, чтобы не топорщилась под рубашкой, кожа зудит просто адски. Снова скребу ребра, понимая, что деваться все равно некуда. Мы с па каждую неделю приезжали в Прескотт за припасами. И хотя прежде и ноги моей не было в «Кварц-Роке», сегодня

лучше не рисковать. Еще не хватало, чтобы меня признали, когда руки чешутся довершить задуманное.

Я проверяю отражение в зеркале.

К ублюдку направляется шлюха. Она наклоняется и что-то ему говорит, но слов не разобрать. Он недовольно ворчит. Шлюха хмурится, затем все равно обнимает его рукой за шею и втискивается подлецу на колени.

— Я же сказал, не интересуюсь! — рычит он и спихивает ее.

— Ой, да брось! Не будь злою! — Она заламывает парню шляпу на затылок, и я мельком вижу его глазбусинки: прищуренные, злые, сияющие демоническим блеском. — Даже в воскресенье не грех повеселиться.

Девушка тянется к лацканам его куртки, собираясь поднять ублюдка на ноги и увести в задние комнаты, но нечаянно задевает рукой рану на животе.

— У тебя кровь, — говорит она, глядя на испачканные красным пальцы. И снова поворачивается к нему: — Господи, да ты...

Он с размаху бьет шлюху по лицу тыльной стороной ладони, она отлетает и врезается в стол золотоискателей. Стаканы с грохотом сыплются на пол; игральные карты белыми лепестками кружат в воздухе. Мужчины видят след от удара на щеке девушки и вскакивают.

Бандит первым выхватывает револьвер. Золотоискатели застывают как вкопанные. Вояки в мундирах напряженно замирают. Неподвижность накрывает салун тугой волной, как жара в прериях, а я тем временем изо всех сил делаю вид, будто меня интересует только стопка, зажата в кулаке.

Держа всех на прицеле, чертов сукин сын, хромая, отступает к дверям. Он не спускает глаз с мужчин, а те

не решаются достать оружие. Выпивка в воскресный день — это одно, перестрелка — совсем другое.

Он выскальзывает на улицу. Как только замирают створки дверей, салун снова оживает. Шлюха поднимается с пола. Золотоискатели водружают стол на место.

Я бросаю монеты на стойку и выхожу за убудком.

— Будь осторожен, малец, — говорит мне вслед бармен.

Не проронив ни слова, я толкаю дверь салуна.

Жара тут же наваливается всей тяжестью, будто стремясь задушить; белая пыльная улица мерцает, точно лунная дорожка. Блики на стремях и сбруях лошадей, привязанных вдоль Виски-роу, подмигивают мне. Будто знают. Будто подначивают меня.

Я поворачиваю за угол вслед за сукиным сыном. Тот направляется к нужнику и скрывается внутри.

Во дворе тихо. Ни ветерка.

Осторожно подкрадываюсь ближе, еще ближе. И вот я уже могу разглядеть каждую трещину на хлипкой двери отхожего места. Готова поклясться, что чувствую запах пота и крови мерзавца по ту сторону двери.

Револьвер на поясе нашептывает мне: «Убей его, отомсти за па. Убей его, убей, убей».

Достаю кольт правой рукой, левой тянусь к двери.

Делаю вдох и настезь распахиваю дверь. Не успевает она шваркнуть мне по плечу и снова хлопнуться, как я уже держу гада на прицеле. Он сидит на толчке, не спустив штанов, но расстегнув рубашку. Осматривает рану, тычет пальцами в кожу вокруг нее. Мне видно только кровавое месиво в левой части живота; кровь уже пропитала пояс штанов.

Он ныряет рукой к револьверу, но видит дуло, нацеленное ему в лоб, и понимает, что шансов нет. Тогда он замирает, выставив вперед раскрытые ладони. Они все в крови, и у меня мелькает мысль, что там есть и кровь отца.

— Очень медленно опусти руки, — говорю я, — и отстегни пояс с кобурой.

Он кривит губы, но исполняет приказание. Ремень брякается на доски скамьи, сколоченной над ямой. Я хватаю пояс и отбрасываю в пыль за дверь ножника.

— С кем ты был во время налета?

Он нечленораздельно рычит.

— Я спрашиваю, с кем, черт подери, ты был?

Молчание.

Я смотрю в его черные глаза и не вижу ни тени раскаяния. Па умер в одиночестве. Совсем один, загнанный в угол, в неравном противостоянии с целой бандой. Возможно, именно этот человек накинул ему на шею веревку, вздернул и оставил болтаться в петле. Кровь шумит у меня в ушах.

— Почему вы это сделали? — спрашиваю я. — Вы не взяли ничего, кроме револьвера. Просто убили моего отца и двинулись дальше, но ради чего?

— А ты не знаешь? — И сукин сын вдруг смеется мне в лицо. — Этот идиот всю жизнь хранил такую тайну и даже не посвятил в нее родного сына? Просто блеск!

— Твои приятели, — цежу я сквозь зубы, изо всех сил стараясь скрыть замешательство: я ведь понятия не имела, что у отца были тайны. — Куда они направляются?

— Тебе их не найти, — ухмыляется он, оскалив почерневшие зубы. — А если найдешь, они и тебя вздернут, как папашу.

Я пинаю его прямиком в раненый бок, и бандит издает вопль.

Это был не случайный налет. На отца охотились, его выслеживали.

— Как вы нас нашли? — спрашиваю я.

Мерзавец стонет.

— Я не буду повторять вопрос.

— Приказчик из «Голдуотерса», — отвечает он. — Сердечный такой малый. С улыбкой направил нас прямо к твоему па.

Моррис.

— Похоже, ты не единственный местный парнишка, кому невдомек, что творится в городке. — Ублюдок снова скалит гнилые зубы, и мне хочется вышибить их все до единого.

— А теперь слушай меня, и слушай внимательно, — говорю я. — Сейчас я отправлюсь в «Голдуотерс» и выведу все, о чем ты умолчал. А потом пушусь в погоню за твоими приятелями, которых ждет та же участь, что и тебя. Клянусь, каждый трусливый мерзавец, который разъезжает по округе и вешает ни в чем не повинных людей, получит по заслугам.

— Золотые слова, мальчик! — говорит он. — А теперь ради бога убери проклятый револьвер.

— Ладно, — говорю я.

И убираю.

После того как всаживаю подлецу пулю в лоб.

Глава вторая

Я отпускаю дверь, она с треском захлопывается, но лицо бандита так и стоит у меня перед глазами: грубая, точно дубленая, кожа, черная борода и злые глаза, которые широко распахнулись в тот момент, когда он догадался о моих намерениях.

Я пинаю в сторону его ковбойский ремень и сплевываю под дверь нужника:

— Увидимся в аду, мистер.

Именно туда я и отправлюсь, как пить дать, потому что не чувствую ровным счетом ничего. Ни раскаяния. Ни вины. Ни тени сомнения. Он заслужил смерть, и я убила бы его еще раз, убила бы снова и снова. Что со мной неладно?

Прежде я никого не лишала жизни, и убийство не должно так легко даваться.

Я бегом бросаюсь к Сильви, мы едем вдоль Вискироу на север, сворачиваем к востоку и минуем один квартал. На следующем углу я спешиваюсь и привязываю лошадь, а сама захожу в «Голдуотерс». Вот это, скажу я вам, магазин! Полки доверху забиты всем, чего только душа пожелает: мукой, специями, вяленным мясом, табаком, патронами, скобяным товаром. А еще в витрине стоит самодельное кресло-качалка из светлого, почти белого дерева, отполированного до мраморной гладкости. Обычно я качаюсь на нем, когда прихожу сюда, и сейчас у меня снова сводит живот от желания обладать этой совершенно бессмысленной вещью.

Моррис стоит за прилавком; накрахмаленная рубашка заправлена в брюки.

— Прекрасный молодой человек этот Моррис, — сказал мне па на прошлой неделе. Глаза его искрились лукавством: он не скрывал намека, как и в предыдущие двадцать раз, когда мы с ним пополняли припасы в городе.

— Хватит мне его навязывать, — проворчала я. — Не собираюсь я выходить замуж и бросать тебя одного.

Вот только теперь я сама осталась одна-одинешенька, и па уже никогда не благословит мой выбор и не проводит меня к алтарю. Знаю, он хотел как лучше, но меня полностью устраивал наш домашний уклад. Одна мысль о том, что я окажусь навсегда привязанной к городу — буду стоять за прилавком в магазине или сидеть дома, дожидаясь мужа с работы, — вызывала у меня приступ удушья. Каждый день одно и то же. Замужество исключительно ради безопасности. Но я стреляю из ружья не хуже мужчин, и, как выяснилось, мне и убийство по плечу. Не понимаю, зачем притворяться слабой дурочкой, лишь бы не злить людей.

Я сую руки в карманы. Виски все-таки ударил в голову. Не слишком твердо держась на ногах, огибаю полки с мукой и консервами. Моррис сразу же замечает меня и кивает. Обычно, отправляясь в город, я надеваю приталенную блузку, юбку понаряднее и шляпку. Волосы я чаще всего ношу распущенными — они у меня темные, шелковистые, длиной почти до пояса. Но если Морриса ни на миг не обманул мой сегодняшний вид, значит, и другие меня рано или поздно раскусят, а то и того хуже — опознают во мне парня из «Кварц-Рока».

Я оглядываюсь через плечо: в магазине никого, кроме старенькой леди, но она так тщательно изучает буковки

на мешке с мукой, что вряд ли может похвастать острым зрением.

— Привет, Кэти, — говорит Моррис. — Экая ты сегодня... — Он косится на фланелевую рубашку. — Серьезная.

— Потому что я здесь по серьезному делу, — отвечаю я, не вдаваясь в подробности.

— Даже так?

— Кто-нибудь недавно расспрашивал о моем отце?

— Не далее чем вчера, — кивает он. — Интересовался тут один старым знакомым по имени Росс Генри Томпкинс. Я спрашиваю: «Может, Генри Томпсон?» А он: «Да-да, он самый. Давно дело было, запомнювал». Ну я и объяснил ему, что вы живете выше по течению ручья, за фортом Уиппл.

— Он сказал, как его зовут?

— Нет.

— Как он выглядел?

Моррис морщит лоб.

— А в чем дело-то?

— Как он выглядел, Моррис?

— Сурово. Чапарахос¹ поверх штанов. Длинный черный сюртук. Шкура дубленая, будто всю жизнь пахал землю или перегонял скот. На вид около сорока или чуть побольше. Под правым глазом приметный шрам.

— Он был один?

— Нет, с ним ехало несколько всадников... вообще-то целый отряд. — Моррис делает паузу. — Никакие они не друзья твоего отца, да?

¹ Меховые или кожаные штанины, пристегивающиеся к поясу и предохраняющие ковбоев от поверхностных травм при верховой езде.

Револьвер у меня в кобуре снова затягивает свою песню: «Черт бы тебя побрал, Моррис. Ты все равно что убил па».

— Кэти. — Моррис наклоняется через прилавок и касается моей руки. — Что-то случилось?

Я отдергиваю руку. Нужно выметаться отсюда. И поскорее, пока я не засадила бедняге Моррису пулю промеж глаз.

— У тебя точно все хорошо? — не отстает он.

Интересно, как он отреагирует, расскажи я ему правду. Наверняка предложит: «Поговори с Мулвеноном. Донеси о набеге в форт Уиппл». Но Мулвенон, как порядочный шериф, несколько дней назад отправился выслеживать конокрада, проехавшего через город, а солдаты форта Уиппл защищают оседлое население от набегов апачей, а не от внутренних разбирательств. Да и нет у меня времени ни на то, ни на другое. Чем дальше я мелю здесь языком, тем дальше к югу успеют убраться мерзавцы, а куда они направляются — и так одному дьяволу известно. Нужно вернуться домой и снарядить лошадей. Пуститься в погоню, пока след не остыл.

— Кэти, — снова говорит Моррис, — что-то случилось?

— Да нет, все великолепно.

Я даже покупаю патроны и припасы — просто чтобы Моррис наконец заткнулся.

В последних лучах заходящего солнца я роюсь на пепелище, оставшемся от моего дома. Угли еще теплые, часть мебели даже можно узнать. Наполовину обгоревшая

рама моей кровати стоит до сих пор. Кухонный стол превратился в груды головешек, но сверху, как наседка на яйцах, красуется уцелевший чайник.

В развалинах отцовской спальни я нахожу то, за чем изначально ринулась в огонь: старую жестянку для бутербродов, в которой па держал ценные вещи. Он хранил ее под матрасом вместе с тетрадью в кожаной обложке, но та сгорела без следа. Могу поспорить, вспыхнула как факел.

Я выкапываю жестянку из пепла и бью по ней ко-чергой, пока погнутый замочек не отскакивает. Внутри лежит кожаный кисет с золотым песком. Па не любил рассказывать о своем прошлом, но я знаю, что в молодости он промышлял добычей золота где-то на юге, ближе к Уикенбергу, прежде чем они с мамой перебрались на север и обосновались под Прескоттом. Скромные сбережения пошли на постройку дома у ручья, а остатки, тут и думать нечего, он истратил, пытаясь вылечить ма от туберкулеза. Мне было почти четыре, когда ее не стало.

Я встряхиваю кисет, крупички золота весело приплясывают. Похоже, тут и на полсотни долларов не наберется, но у меня и таких денег сроду не бывало. Я кладу мешочек в карман и вижу на дне жестянки фотографию: на ней па, ма и я — пока еще туго спеленутый младенец.

Глажу подушечкой большого пальца папино черно-белое лицо. Вся его поза выражает готовность защитить нас: одной рукой он обнимает ма за плечи, другую держит на рукояти револьвера. Я взяла от них самое лучшее: от матери — роскошные черные волосы, от отца — несколько лишних дюймов роста.